

ОПРЕДЕЛЕНИЕ
КОЛЛЕГИИ СУДЕЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

об отказе в принятии к производству обращения

Матцакова Самата Аскаровича и Жаныбекова Нурсултана Жаныбековича

26 января 2026 года

город Бишкек

Коллегия судей Конституционного суда Кыргызской Республики в составе: Дуйшеева К.А., Айдарбековой Ч.А., Жолдошевой Л.Ч. при секретаре Айтмырзаеве М.Э., рассмотрев обращение Матцакова С.А. и Жаныбекова Н.Ж.,

У С Т А Н О В И Л А:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 11 декабря 2025 года поступило ходатайство Матцакова Самата Аскаровича и Жаныбекова Нурсултана Жаныбековича о проверке соответствия нормативного положения, выраженного словами «а равно мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств», содержащегося в диспозиции статьи 209 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее – УК) частям 1, 2, 3 статьи 6, статье 55, частям 1, 2 статьи 56, части 1 статьи 57, части 2 статьи 59, частям 1, 2 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики.

Как следует из ходатайства и приложенных к нему документов, Законом Кыргызской Республики «О внесении изменений в Уголовный кодекс Кыргызской Республики» от 3 ноября 2025 года № 250 часть 1 статьи 209 УК после слов «Мошенничество, то есть завладение чужим имуществом или правом на имущество путем обмана или злоупотребления доверием», дополнена нормативным положением, выраженным словами «а равно мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств».

Субъекты обращения отмечают, что по своей природе мошенничество характеризуется изначальным преступным умыслом на завладение имуществом, реализуемым через обман либо злоупотребление доверием, при отсутствии намерения исполнять обязательства с самого начала. Тогда как новая диспозиция статьи 209 УК фактически допускает привлечение к уголовной ответственности при отсутствии изначального преступного умысла, основываясь исключительно на последующем нарушении договорного обязательства. Это размывает границы между гражданской и уголовной ответственностью и лишает участников правоотношений возможности предвидеть последствия своих действий, что подрывает конституционный принцип правовой определенности и верховенство права.

По их мнению, уголовная ответственность за несоблюдение гражданско-правового обязательства также противоречит части 2 статьи 59 Конституции, устанавливающей, что неисполнение гражданско-правовых обязательств не может служить основанием для уголовной ответственности. Конституция тем самым закрепляет недопустимость криминализации частноправовых отношений. Запрет подобного рода имеет своей целью предотвращение использования уголовного преследования в качестве средства неправомерного давления при разрешении частноправовых споров между участниками гражданского оборота.

Таким образом возникает конституционно-правовой конфликт, который при отсутствии конкретного механизма доказывания преступного умысла, создает риск необоснованной трансформации гражданских споров в плоскость уголовно-правового механизма, что запрещено Конституцией.

Кроме этого, Матцаков С.А. и Жаныбеков Н. Ж. указывают на то, что Конституция признает в качестве составной части правовой системы международные договоры, участницей которых является Кыргызская Республика (часть 3 статьи 6), и гарантирует права и свободы человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права (статья 55).

В обоснование своих доводов заявители ссылаются на статью 11 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее - МПГПП), по смыслу которой невыполнение договорного обязательства относится к сфере гражданско-правовых отношений и не образует состава уголовно наказуемого деяния, вследствие чего не может служить основанием для применения мер уголовной ответственности, включая лишение свободы.

В данном контексте они подчеркивают, что положения МПГПП, устанавливающие запрет на криминализацию гражданско-правовых отношений, носят императивный характер для Кыргызской Республики и подлежат обязательному соблюдению.

В связи с чем внедренное положение об уголовной ответственности за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств, противоречит как национальному законодательству, так и международным обязательствам, ратифицированных Кыргызской Республикой.

На основании изложенного, заявители просят признать оспариваемое нормативное положение противоречащим Конституции.

Коллегия судей, изучив ходатайство Матцакова С.А. и Жаныбекова Н. Ж., а также приложенные к нему материалы, заслушав информацию судьи-докладчика Дуйшеева К.А., проводившего соответствующую проверку, пришла к следующим выводам.

Конституционный контроль направлен на проверку соответствия нормативных правовых актов либо их структурных элементов Конституции и осуществляется при наличии убедительных правовых доводов, указывающих на возможную неконституционность действующего регулирования общественных отношений.

В связи с этим часть 2 статьи 26 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» устанавливает, что основанием для рассмотрения дела Конституционным судом является

выявленная неопределенность либо сомнение в соответствии регулятивного воздействия оспариваемой нормы конституционным положениям, при условии, что такие сомнения основаны на логически последовательной позиции заявителя и подтверждены убедительными правовыми аргументами.

Однако доводы заявителей о возможной криминализации гражданско-правовых обязательств в связи с нововведениями в диспозиции статьи 209 УК, выраженного словами «а равно мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств», основаны на гипотетических допущениях.

Частью 2 статьи 59 Конституции устанавливается прямой конституционный запрет на привлечение к уголовной ответственности исключительно за неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданско-правовых обязательств, вытекающих из договора.

Данный запрет закреплен и в уголовно-процессуальном законодательстве. Согласно пункту 2 части 1 статьи 154 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – УПК), неисполнение либо ненадлежащее исполнение гражданско-правовых сделок само по себе не влечет уголовной ответственности и не может служить основанием для ее наступления, которое должно регулироваться в гражданском порядке. Указанный запрет действует на всех стадиях уголовного преследования.

Уголовное преследование в УПК рассматривается как строго регламентированный законом процесс, осуществляемый с соблюдением принципа верховенства права и законности и при признании человека, его прав и свобод высшей ценностью (статья 7 УПК). Такой процесс осуществляется при наличии данных, указывающих на признаки состава преступления. В каждом случае обнаружения таких данных следователь, прокурор принимают предусмотренные УПК меры по установлению события и обстоятельств совершенного преступления, выявление виновного лица и процессуальное закрепление доказательств (главы 3 и 5 УПК).

Форма вины лица как признак состава преступления определена уголовным законодательством. В соответствии со статьей 29 УК виной признается психическое отношение лица к совершаемому им деянию и его противоправным последствиям; формами вины являются умысел или неосторожность.

Согласно статье 30 УК умышленным признается преступление, совершенное с прямым либо косвенным умыслом, характеризующимся осознанием уголовной противоправности деяния и предвидением возможности либо неизбежности причинения вреда.

Постановлением Пленума Верховного суда Кыргызской Республики «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении или растрате вверенного имущества» от 29 мая 2020 года № 8 задается ориентир для правильного применения уголовного законодательства по делам о мошенничестве, согласно которому, умысел на хищение чужого имущества подтверждается отсутствием у лица реальной возможности исполнить договор, использованием при его заключении поддельных документов, сокрытием сведений о задолженностях и обременениях.

Исходя из установленного уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, указанным постановлением Пленума Верховного суда, применительно к предмету обращения заявителя, подхода к оценке признаков преступления, включая форму вины лица, возбуждение и осуществление уголовного преследования допускается при наличии достаточных данных, указывающих на признаки состава преступления.

А в случае отсутствия признаков преступления частью 1 статьи 27 УПК императивно установлено, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению за отсутствием события либо состава преступления.

При принятии процессуальных решений и осуществлении предоставленных полномочий уполномоченные органы уголовного преследования несут ответственность за их законность и обоснованность, что

предполагает соблюдение установленных уголовным и уголовно-процессуальным законодательством требований, реализуемое, в том числе, через возможность их последующей проверки в порядке судебного контроля и обжалования.

Конституционный суд в своем Решении от 17 сентября 2025 года указал, что реализация права на судебную защиту обеспечивается посредством процессуальных механизмов обжалования. Если государственные органы и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, не исполняют свои обязанности, их действия (бездействия) могут быть обжалованы заинтересованными лицами в порядке глав 16, 46, 51 УПК. Таким образом, право на обжалование выступает процессуальным средством реализации конституционного права на судебную защиту, обеспечивая устранение незаконных ограничений и восстановление нарушенных прав личности.

Кроме этого, уголовно-процессуальное законодательство предусматривает и специальный механизм восстановления нарушенных прав в случае, если уголовное преследование, несмотря на предусмотренные законом гарантии, привело к незаконному обвинению либо осуждению лица. Такая гарантия заложена в задачах уголовного судопроизводства. В соответствии со статьей 6 УПК к таким задачам отнесены защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод, обеспечение справедливого судебного разбирательства и правильного применения уголовного закона, а также незамедлительная и полная реабилитация в случаях незаконного обвинения или осуждения невиновного.

На основании изложенного коллегия судей приходит к выводу об отсутствии оснований для принятия ходатайства к рассмотрению в рамках конституционного судопроизводства, поскольку доводы заявителя основаны на предположительном развитии событий и не подтверждают наличие неопределенности в конституционно-правовом регулировании.

Само по себе предположение о возможных нарушениях при применении указанных норм не свидетельствует о их неконституционности и относится к сфере оценки конкретных правоприменительных решений, которая выходит за пределы полномочий Конституционного суда.

Руководствуясь частью 2, пунктами 1, 4 части 3, частью 5 статьи 30 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», коллегия судей Конституционного суда Кыргызской Республики

О П Р Е Д Е Л И Л А:

1. Отказать в принятии к производству ходатайство Матцакаова Самата Аскаревича и Жаныбекова Нурсултана Жаныбековича о проверке соответствия нормативного положения, выраженного словами «а равно мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств», содержащегося в диспозиции статьи 209 Уголовного кодекса Кыргызской Республики частям 1, 2, 3 статьи 6, статье 55, частям 1, 2 статьи 56, части 1 статьи 57, части 2 статьи 59, частям 1, 2 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики.

2. Возвратить представленные материалы заявителю.

3. Настоящее определение может быть обжаловано в Конституционный суд Кыргызской Республики в течение трех месяцев.

Коллегия судей:

К.А. Дуйшеев

Ч.А. Айдарбекова

Л.Ч. Жолдошева